

Гарри неловко устроился за столом у своей кровати. В правой руке он держал карандаш, а перед ним лежал блокнот. Он пытался написать записку для Гермионы (Рона тоже следовало вспомнить). Проведя пальцами по верхней части бумаги, он понадеялся, что на ней нет логотипа, оторвал кусочек и перевернул — решил, что обратная сторона будет пустой. Прижав карандаш к листу, он начал писать, стараясь выводить буквы аккуратно. «Гермиона и Рон, я застрял у Дурсов...» Карандаш вдруг скатился с бумаги, и Гарри проверил его кончик — не сломан ли. Ему нужно было найти точилку, если он собирался продолжать писать. Переместив пальцы, он продолжил: «...ley's.» Эту часть он чуть заметно написал вдоль края, надеясь, что ее удастся прочитать. Затем он добавил: «Мне нужно кое-что прочитать, но я не могу». На этом моменте он замер, почувствовав легкую боль в груди — объяснять, почему он не может читать, не хотелось. Ты ведь понимаешь, да? Я не обязан объясняться, подумал он. Переместив палец чуть ниже, он написал: «Может, ты знаешь какое-нибудь заклинание или что-то в этом роде? Спасибо, Гарри». Мысль о необходимости объяснять все это так его утомила; его тётя и дядя точно не станут читать его сообщения — скорее всего, сожгут их или просто выбросят в мусорку. На этом клочке бумаги не осталось места для подробных объяснений, и даже то небольшое, что он написал, вызывало сомнения в разборчивости. Если Рон с Гермионой не поймут записку и пришлют ему что-то написанное, что он не сможет прочитать, он сможет выскользнуть и отнести это в библиотеку. Одна только мысль о долгом пути в пять миль до библиотеки вызывала у него холодный пот. Может, он справится (всё равно это не может быть хуже, чем столкновение с гигантским гнездом пауков, хотя он едва справился и с этим); образ живых изгородей, сужающих тротуары, возник в его воображении, прижимая пешеходов к транспортным средствам. Как же отреагирует библиотекарь, заполучив записку с инструкциями по заклинаниям... Наверняка ему придется объясняться с Министерством, когда они узнают о нарушении тайны. Он аккуратно свернул записку и привязал ее к ноге Букля, используя кусок кожи для крепления. Желание отправить ее в путь наполняло Гарри нетерпением. К счастью, Букля, закончив трапезу, начала шуршать, разминая свои перья. Он положил блокнот под половицу вместе с остальными бумагами и терпеливо ждал, пока Букля заметит, что ему нужна помощь. Прошло немного времени, и она подпрыгнула к нему. Гарри услышал её приближение, и от неожиданности её крылья слегка ударили его по лицу. - Привет, девочка, - тихо произнес он, привязывая записку к её лапке. - У меня есть сообщение для Гермионы, ты должна отнести его, хорошо? Она всё еще в Хогвартсе. В ответ на это Букля тихонько зарычала. Она всегда проявляла такую осторожность, когда они были на Тисовой улице. Ей, похоже, было известно, что перед ней. Именно это заставляло его сожалеть о том, что он отправил её. Она понимает, подумал он, нежно поглаживая её гладкие перья — они мягко трепетали в его руках. Следующая секунда моментально унесла Буклю к окну, и Гарри не успел даже моргнуть, как она исчезла в прохладном ночном воздухе. *** Гарри как раз возвращал на место расшатавшуюся доску под кроватью, пряча очередное ворованное яблоко. Он успел стащить его, когда тётя Петуния целовала (фу) дядю Вернона на прощание. В этот момент она резко стукнула в его дверь. - Хватит валяться, иди пылесось в гостиной, - крикнула она, и он, быстро прижав яблоко к себе, поспешил за ней, спускаясь по лестнице в носках. У него в груди зажглось волнение. Пылесос находился в чулане под лестницей, рядом с его чемоданом. Может быть, ему удастся его открыть! Но, похоже, тётя Петуния думала так же, потому что именно в этот момент она открыла дверцу шкафа и схватила пылесос, когда он спускался. Он услышал, как колеса пылесоса скользнули по паркету, и это звуковое напоминание нахлынуло на его память. Сколько раз он залечивал свои синяки в этом шкафу, пытаясь понять, что же он сделал не так? Лицо тётки Петунии, искаженное презрением, всплыло в его памяти, и он почувствовал боль, когда она наступила на его пальцы, чтобы привлечь к себе его внимание. Он старался не показывать, как ему больно. Протянув руку, он ненадолго помахал, прежде чем его пальцы нашли ручку. Почувствовав себя уязвимым под её пристальным взглядом, он резко развернул пылесос, направляя его в сторону гостиной, в то время как унижение давило ему на плечи. Он был поражен, когда пылесос врезался в дверной

косяк гостиной, вонзив ручку в его грудь и на мгновение вытолкнув дыхание из лёгких. Тётя Петунья закричала: - Смотри, куда идёшь! Но он был слишком сбит с толку. Восприятие света изменилось — он принял солнечный свет, входящий через дверь, за свет в самой комнате. Резкие контуры растворились в бесцветной дымке. Восстановив сознание и желая укрыться от её неподвижного взгляда, он повернул пылесос так, чтобы тащить его за собой, нащупывая дверной косяк. По тому, как надолго воцарилась тишина, он понял, что тётя Петунья все еще наблюдает за ним. Это заставило волосы на затылке встать дыбом. Красный, он продолжал искать путь через двери в гостиную. - И без этого тяжело, - крикнул он ей в ответ. Костяшки его пальцев царапнули по двери, и он, наконец, опустил пылесос, чтобы размотать шнур и втыкнуть его в розетку. Он вытянул руку, нащупывая стену, пытаясь найти её. Часы на каминной полке щелкали, как будто подмигивая ему, над ним насмехаясь из-за того времени, которое он потратил на попытки подключить пылесос. Наконец, найдя розетку, он начал муштроваться, пытаясь совместить вилку с гнездом. Его разочарование нарастало, пока не прозвучал тот грозный щелчок подключения. Тётя Петунья нетерпеливо сопела из коридора, постукивая ногой, а он сдержал стон отчаяния. Почему она все еще пристально наблюдала за ним? В конце концов, её каблуки уже гремели на кухне. Он глубоко вздохнул, следя за шнуром, который тянулся к пылесосу, и на мгновение замер рядом с ним. Внутри комнаты, полной ловушек и скрытых угроз, всплыло множество опасностей. Хрупкие статуэтки, изящные вазы, семейные реликвии и кружевные салфетки, которые, неосторожно воспользовавшись пылесосом, можно было бы случайно разрушить. Каждый урок приходилось усваивать с трудом; он не желал повторять прежние ошибки. В памяти все еще стояла сцена, когда он, бросившись в сторону, вытащил птицу из хрупкого стеклянного сосуда, который с глухим ударом стукнулся о стол в момент, когда он, погружившись в свои мысли, нес развевающийся шнур пылесоса. Это была его тренировка на Ловца, подумал он позднее. - Я больше не Ловец, - с трудом произнес он про себя, включив пылесос и надеясь заглушить мучительное ощущение от этой ужасной мысли.